

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (1864-1900)

Иванов А.Ю.
ДВГУ, Хабаровск, Россия

Title: *Migration policy of the Russian authorities in respect of Korean immigrants to the Russian Far East (1864-1900)*

Author: *Ivanov Alexandr Y., FESU, Khabarovsk, Russia*

Abstract: *Resettlement of Koreans from northern Korea to Russian territory has been important in the development of the Russian Far East. In the first decade after the Amur region and Primorye was included in the Russian Far East, there was an acute shortage of labor. In this regard, before the Russian administration faced with the task to develop the Far Eastern suburbs and the establishment there of strong peasantry. The measures taken by the Russian authorities to provide protection and food aid to displaced persons in many ways contributed to the further relocation of Koreans in the Russian Far East.*

Keywords: *Korean immigrants, migration, the Russian Far East, the land development, the Korean-Russian border*

Переселение корейцев из северных районов Кореи в российские пределы имело важное значение в освоении Дальнего Востока России.

В первое десятилетие после включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи на русском Дальнем Востоке ощущалась острая нехватка рабочей силы. В связи с этим перед русской администрацией встала задача по освоению дальневосточных окраин и создания там крепкого крестьянства. Однако это требовало огромных финансовых средств, которыми царское правительство не располагало.

27 апреля 1861 г. Александром II был утвержден законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», согласно которым колонистам, желающим поселиться в Приамурском крае, при условии переселения за свой счет, предоставлялось право выбора свободных участков казенной земли во временное

пользование или в полную собственность в размере 100 десятин на семью. При этом они навсегда освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от пользования землей – на 20 лет [1].

Однако в первые годы действия этого закона число переселенцев на Дальний Восток было незначительным. По данным чиновника особых поручений Ф.Ф. Буссе, в течение 1863-1870 гг. в Южно-Уссурийский край русских крестьян переселилось 2266 человек, а в период 1871-1882 гг. – лишь 632 человека [2]. Таким образом, к 1882 г. общая численность русского населения в Приморской области составляла всего 8385 человек [3].

При такой малочисленности русского населения местные власти весьма благожелательно восприняли переселение корейских беженцев из северных районов Кореи, которые, несмотря на строжайший запрет переселяться и селиться под угрозой смертной казни на северных берегах рек Амноккан и Туманган.

Самые первые переселенцы из Кореи поселялись на русских землях благодаря самостоятельному решению начальников военных постов, которые непосредственно вступали в контакт с корейскими жителями правобережья р. Туманган. Так, поручик Резанов позволил одному корейцу привести свое семейство и поселил их по р. Тизинхэ. О намерении корейцев поселиться на территории России при условии обеспечения их безопасности от маньчжуров Резанов сообщил Военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П.В. Казакевичу в рапорте от 30 ноября 1863 г. Однако затруднительные сообщения с Николаевском [4] в зимний период обусловили Резанова принять самостоятельное решение о поселении корейцев в 15-ти верстах от поста Новгородского. Поэтому, когда П.В. Казакевич весной 1864 г. дал указание о содействии переселению корейцев, на территории российского Дальнего Востока уже жили 60 корейцев, имея дома, огороды и скот.

Однако среди этих переселенцев не было ни одного, кто мог бы прокормиться до первого урожая. В связи с этим, Резанов вынужден был выдать им займы 100 пудов муки. Между тем, чтобы не кормить корейцев даром, поручик Резанов позволил им переселяться не ранее февраля-марта 1864 г. с тем, чтобы до нового урожая оставалось не более 5-6 месяцев [5].

В апреле 1864 г. Военный губернатор Приморской области, получив рапорт поручика Резанова от 30 ноября 1863 г., предписывал ему, что разрешает при наличии «свободных людей выстроить дом в месте поселения корейцев» и «принять самые энергичные меры к ограждению безопасности и спокойствия всех туземцев, живущих в наших пределах», а также, насколько позволяют средства, «устранять всякое вмешательство и самовольное распоряжение маньчжур в отношении туземцев». В.П. Казакевич указывал Резанову, что он должен «по возможности стараться внушить туземцам, что живя в наших пределах, они пользуются покровительством и защитой русских законов наравне со всеми русскими и что всякая обида, нанесенная им, не останется без наказания» [6].

Посетивший в мае 1864 г. Тизинхэ штабс-капитан Генерального штаба П.А. Гельмерсен также высказал свой взгляд на переселение и размещение корейцев на территории России. В частности, он писал: «Я считаю поселение их в наших пределах делом не только полезным, но и существенно важным для будущего этого края, богатого всем, кроме рабочих рук... Первое применение корейцев могло бы быть на копях каменного угля в Посьете. Не говоря уже, что от корейцев, скорее всего, можно ожидать сбыт хлеба для войска, что даст прямой барыш от понижения цен мы получим ту выгоду, что положим основание для будущего развития края, облегчая русским его заселение тем, что они придут сюда и найдут многое на месте, что теперь нужно возить за тысячи верст, а с другой стороны привлечем иностранный капитал на промышленные и торговые предприятия.

П.А. Гельмерсен предлагал применить к корейцам 8-й параграф «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», где разрешено отводить в пользование на каждое семейство 100 десятин. При этом, он считал, что помощь корейцам «нужно выдавать с большой осмотрительностью и непременно на определенный срок, чтобы не приучать к безвозмездному вспомоществованию, которое только развращает, а не приносит действительной пользы» [7] их нет необходимости «причислить их в государственные крестьяне», т.к., с одной стороны, это потребует слишком большого расход для такого незначительного количества душ, а с другой – подчинить их таким повинностям, как, например, рекрутская, которая для них будет очень трудна, а

государству не принесет никакой пользы, потому что «первое поколение корейцев, по незнанию русского языка и русской жизни не может дать хороших солдат» [8]. Кроме того, Гельмерсен предлагал учредить среди корейцев, способных к ассимиляции, русскую школу и особую гражданскую власть, которая непосредственно ведала бы переселенцами.

Однако, отмечая позитивные факторы переселения корейцев на российский Дальний Восток, Гельмерсен указывал и на те моменты, которые могли бы вызвать беспокойство русских властей. Так, П.А. Гельмерсен считал, что «легкость возврата корейцев заставит местные власти быть несколько осмотрительнее в деле переселения, чтобы не потерять силу остановить его, если накопление корейцев делается неудобно, вследствие того, что они приобретут слишком большой перевес над русским населением... Нужно помнить, что чем быстрее будет идти переселение корейцев, тем медленнее пойдет их сближение с русскими, потому что будет меньше точек прикосновения». Также Гельмерсен считал необходимым установить «над корейцами систематический надзор, чтобы не дать им замкнуться в своем кружке и привыкнуть к совершенной бесконтрольности – неизбежному следствию того, что местные власти, не зная ни языка их, ни обычаев, не будут уметь управлять ими и должны во всем полагаться на старшин и переводчиков». По его мнению, слабость в управлении корейскими переселенцами может «создать внутреннего врага около самого важного пункта побережья». В связи с этим, Гельмерсен предлагал учредить в Посъете пограничное управление, которое смогло бы ослабить родственное и торговое влияния извне на переселенцев, а также контролировать переселение из Кореи, дабы корейцы «не приобрели слишком большой перевес в крае раньше, чем он успеет заселиться русскими» [9].

Впоследствии многие рекомендации П.А. Гельмерсена были приняты во внимание восточносибирской администрацией при составлении инструкции по управлению корейским населением.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, получив первые сведения об успешном освоении земель корейскими переселенцами, в ноябре 1864 г. Просил военного губернатора Приморской области, «ввиду особой важности заселения края», оказывать корейцам, желающим «прочно заселиться в наших пределах», покровительство и помощь

продовольствием на первое время в необходимом размере из «экстраординарных сумм» [10]. В августе 1866 г. М.С. Корсаков распорядился выделить средства в размере 100 рублей серебром на строительство школы для корейцев [11].

Меры, предпринятые русскими властями по оказанию покровительства и продовольственной помощи переселенцам во многом способствовали дальнейшему переселению корейцев на территорию российского Дальнего Востока. По первой, неполной переписи корейского населения в Южно-Уссурийском крае, проведенной Ф.Ф. Буссе, на 1 января 1867 г. корейских переселенцев оказалось 185 семей (999 человек) [12]. Через год после переписи границу перешли еще 500 корейцев [13].

С началом корейской иммиграции на территорию России дальневосточная администрация стала предпринимать меры по определению правового статуса иммигрантов и регулированию административного управления корейским населением. 13 августа 1866 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков поручил военному губернатору Приморской области И.В. Фуругельму в заселенной большей частью корейцами южной части Уссурийского края с 1 января 1867 г. ввести новый порядок управления:

1. Все население окрестностей залива Петра Великого подчинить начальнику Новгородского поста.

2. Округ этот именовать Суйфунским назначив границами его: с запада – государственную границу, с севера – водораздельный хребет между реками, впадающими в озеро Ханка и р. Уссури, и реками, впадающими в море, с востока – местность около залива Америка со впадающими в него реками.

3. В помощь начальнику поста назначить офицера для непосредственного заведования населением на правах земского исправника [14].

В своей деятельности начальник Новгородского поста руководствовался составленной в конце 1866-начале 1867 г. «Инструкцией заведующему Суйфунским округом по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением». Этот документ отразил в себе первый опыт решения в России вопроса об административном управлении корейским населением [15].

В первые годы после утверждения русской власти в Приморье корейское правительство при поддержке китайских

властей г. Хуньчуня всемерно пыталось воспрепятствовать переходу на российскую территорию корейцев. Корейские власти неоднократно требовали от русских возвращения всех переселившихся в Россию корейцев. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири, ввиду неопределенных политических отношений России с Кореей отсутствия официальных дипломатических отношений между ними, до разрешения вопроса о зачислении переселенцев в государственные крестьяне, предписывал начальнику Новгородского поста руководствоваться следующими положениями, которые были даны ему еще в 1864 г.:

1. Между русскими и корейскими правительствами не существует никаких соглашений относительно переходящих на русскую территорию корейцев; по русским же законам мы не можем мешать желающим принять русское подданство.

2. Все корейцы, перешедшие в русские пределы, должны пользоваться полной свободой и покровительством русских законов.

3. В случае, если живущие около Новгородского поста корейцы будут подвергаться притеснениям со стороны китайских чиновников, начальнику поста предоставлено право для устранения этого вмешательства употреблять даже вооруженную силу [16].

Неурожай осенью 1869 г., случившийся в Северной Корее вызвал массовую миграцию корейского населения на территорию российского Дальнего Востока. В конце сентября – начале октября 1869 г. на р. Тизинхэ пришли 1850 корейцев, а в конце ноября – начале декабря границу перешли 4500 человек. Всего в конце 1869 г. из провинции Хамгён в Южно-Уссурийский край прибыли 7000 корейцев [17].

Военный губернатор Приморской области контр-адмирал И.В. Фуругельм во избежание массовой гибели корейцев от голода распорядился отпустить из магазинов интендантского ведомства для раздачи корейцам 4 тыс. пуда ржи и 2 тыс. пудов муки. Генерал-губернатор Восточной Сибири, в свою очередь, распорядился об отпуске необходимых средств корейцам и предложил Фуругельму разместить их внутри Южно-Уссурийского края, не допуская поселения их близ морского побережья и государственной границы с Китаем [18].

С этого времени власти Приморья стали выражать беспокойство, что растущий наплыв корейских переселенцев

создаст как политические, так и экономические неудобства. В политическом отношении они боялись образования на границе с Кореей сплошного корейского населения, а в экономическом – не хотели лишать будущих русских переселенцев лучших плодородных земель. В связи с этим вопрос об отношении русских властей к корейскому переселению вступал в новую фазу: с одной стороны, местные русские власти стремились ограничить наплыв переселенцев из Кореи, а с другой – очистить приграничную полосу от «корейского элемента», переселяя корейцев в глубинные районы Уссурийского края [19].

Выражая взгляд царского правительства на переселение корейцев в Россию, директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов писал 9 января 1870 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову: «Мы можем только радоваться увеличению населения в наших пустынных областях и притом такого населения, которое своим трудолюбием... подает надежды к скорейшему водворению прочного гражданского трудоустройства в том крае. Само собой разумеется, что поселение корейских семейств поблизости нашей границы могло бы представить важные неудобства и даже послужить поводом к недоразумениям с соседними корейскими властями. Ваше Превосходительство, вероятно, признает полезным дать местным властям определенные постановления относительно способа водворения корейцев вдали от пограничной черты, чтобы не образовали сплошного корейского населения, а были, напротив, размещены между русскими селами и деревнями. Только в последнем случае мы можем надеяться на скорейшее обрусение их слияние с прочим населением края» [20].

Начав переселение корейских иммигрантов вглубь территории Приморской области, местные власти вступили в переговоры с корейским пограничным начальством, для того, чтобы согласовать меры по приостановлению корейского населения и убедить его не подвергать наказанию и притеснению корейцев по возвращении из России.

С весны 1871 г. началась новая полоса корейского переселения в Уссурийский край. В связи с этим Н.П. Синельников предписал военному губернатору Приморской области 500 семейств вновь прибывших переправить на пароходах на Амур, а военному губернатору Амурской области Педашенко – построить дома для переселенцев, обеспечить их продовольствием

до урожая 1872 г. и снабдить семенами, рабочим скотом и необходимым инвентарем. На эти нужды выделялось 13 651 руб. В конце июля 1871 г. 102 семейства в числе 431 души были привезены на р. Самару для поселения в с. Благословенном.

Обеспокоенные переселением корейцев на Амур, власти Хуньчуня по распоряжению центрального правительства Китая в ноябре 1871 г. потребовали от русских властей возвращения корейцев на родину, т.к. по их мнению они являлись подданными Китая. По этому поводу министр иностранных дел А.М. Горчаков уведомил Н.П. Синельникова, что «выдавать переселенцев не следует, так как с Кореей у нас договоров не существует и о ней не упомянуто в наших договорах с Китаем» [21].

В 70-х гг. XIX в. в результате заградительных мер, проводимых русскими властями, число корейских переселенцев в Россию сократилось. Но, вместе с тем, стало все больше прибывать корейцев на временные заработки. Ежегодно на заработки до 1500 человек и до 300 человек для добычи морской капусты. В начале 80-х гг. число торговцев, чернорабочих, ремесленников, кузнецов и литейщиков, ежегодно прибывающих из провинции Хамгён на заработки в Южно-Уссурийский край, достигало уже 3000 человек [22]. К 1886 г. в 18 деревнях Южно-Уссурийского края оседлых корейцев насчитывалось 6663 человек. Всего в Приамурском крае число зарегистрированных оседлых корейцев составляло 8500 человек, а корейцев иностранного подданства 12 500 человек [23].

В связи с массовой миграцией переселенцев из Кореи и увеличивающимся притоком русскоязычного населения все чаще ставился вопрос о целесообразности дальнейшей корейской иммиграции. Немалую роль в решении вопроса о корейских мигрантах играли личные взгляды генерал-губернаторов и военных губернаторов. Так, военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов считал, что у корейцев нет чувства благодарности к России, т.к. местные русские власти вскоре после переселения корейцев на Дальний Восток потеряли к ним всякий интерес, в результате чего «построенные в первые годы часовни и школы стоят пустые», а «крещенные корейцы молятся своим предкам. Дети их обучаются грамоте по корейским учебникам, преимущественно исторического содержания и ни в культе, ни в домашнем обиходе, ни в общественном строе... не проглядывается у них наше влияние». Исходя из этого, по мнению И.Г. Баранова

корейцы «ждали объявления войны России с Китаем, чтобы бежать со своим скарбом на родину». Вместе с тем, И.Г. Баранов отмечал, что корейцы «много принесли и приносят пользы краю. Их посевы небольшие, но при тщательной обработке поля дают всегда лучший урожай, чем у наших крестьян; в последнее время их привлекали к отбыванию некоторых натуральных повинностей и корейским трудом проведено немало новых дорог и ремонтируется старых. Все требования администрации исполняются ими в точности и в общем с большою охотой». В связи с этим, военный губернатор Приморского края предлагал считать всех проживающих на российской территории корейцев русскими подданными и причислить их к сельскому и городскому сословию [24].

В 1886 г. в Хабаровске был созван 2-й съезд губернаторов и других представителей местных властей Приамурского края. Хабаровский съезд заслушал комиссию по корейскому вопросу Приморской области и Амурского края. Решения съезда сводилось к тому, чтобы не допустить дальнейшего переселения корейцев, а переселившихся раньше выселить вглубь территории края. Корейские переселенцы должны были оставить уже освоенные ими земли, которые переходили в пользование русских крестьян-переселенцев [25]. Решения съезда по корейскому вопросу и соответствующее ходатайство первого генерал-губернатора Приамурского края А.Н. Корфа, решительного противника иммиграции корейцев, были одобрены Комитетом министров в Петербурге, который решил: «Ныне же воспретить прибывающим в Россию корейцам и другим из китайских и корейских пределов селиться на пограничных с Китаем и Кореей местностях» [26].

Вместе с тем, необходимо было решить вопрос о правовом статусе уже переселившихся в Россию корейцев. Русско-корейская конвенция о пограничных сношениях, подписанная 8 (20) августа 1888 г. в Сеуле между К.И. Вебером и президентом коллегии иностранных дел Ким Юн Сиком, а также устное соглашение, достигнутое между ними, легли в основу мероприятий русских властей по оформлению правового положения поселившихся в России корейцев и регламентации вопросов корейской иммиграции [27].

Согласно указанию Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа все корейцы, находившиеся в России, были условно разделены на три категории. К первой категории были отнесены

корейцы, переселившиеся и осевшие в России до заключения русско-корейского договора 1884 г. Им разрешалось остаться в Уссурийском крае, и они должны были быть приняты в русское гражданство.

Ко второй категории были отнесены корейцы, переселившиеся и осевшие в России после 1884 г., но желающие принять русское подданство и обязывающиеся исполнять правила, установленные для первой категории. Они лишались прав на пользование надельными землями и в течение двух лет должны были ликвидировать свои хозяйства и выехать в Корею.

К третьей категории были отнесены корейцы, временно проживающие в Приамурском крае, т.е. не осевшие здесь, а приехавшие на заработки. Они не имели права создавать хозяйства на государственных землях. Оставаться в русских пределах они могли только с разрешения русских властей по получении русских билетов на жительство. Переселяться и проживать в России разрешалось тем, кто имел корейские паспорта, которые следовало через месяц обменять на платные годовые русские билеты [28].

В 1893 г. новым Приамурским генерал-губернатором был назначен С.М. Духовский, выступивший с иной, нежели барон Корф, позицией в отношении корейского вопроса в Приамурье. Он был сторонником использования корейцев для колонизации края и приема их в русское подданство с наделением землей. В государственных интересах Духовский считал необходимым, без замедления, привести к присяге корейцев первой категории, чтобы дарованием такой льготы улучшить их материальное положение, а вместе с тем вызвать еще большие симпатии к России со стороны Кореи. Одновременно он признал необходимым дать отсрочку на выселение корейцев второй категории, взыскивая с них, за время пребывания, определенную плату за пользование землей. Духовский пересмотрел также численность корейцев, причисленных к трем категориям. В результате, в 1895 г. в Приамурском крае к первой категории были отнесены 13111 корейцев, ко второй – 2400, к третьей – 300 корейцев [29].

Политику С.М. Духовского в корейском вопросе продолжил его преемник на посту Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродеков (1898-1902). По его инициативе в 1898 г. было разработано «Положение о китайских и корейских подданных в Приамурской области», согласно которому в русское подданство приняли всех оставшихся без присяги корейцев первой категории

и было обещано принять в русское подданство также корейцев второй категории, проживших в Уссурийском крае не менее 5 лет; корейцам третьей категории разрешили селиться по р. Иману, Хору, Кие и Амуру [30].

Таким образом, в 1900 г. разрешился важный вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, отнеся их к сословию государственных крестьян, наделить их землей по 50 десятин на семью; привлечь ко всякого рода налогам и сборам и принять меры к скорейшей ассимиляции их русским населением. Кроме этого было признано нежелательным дальнейшее переселение корейцев [31].

Либерализация политики С.М. Духовского и Н.И. Гродекова в отношении корейских переселенцев способствовала быстрому увеличению численности переселяющихся в Россию корейцев. В 1894 г. в Приамурский край прибыло морем всего 9 980 переселенцев из Кореи, из них 3 995 человек во Владивосток. 5 985 – в Амурскую область [32].

В 1895 г. всего в Приамурском крае по официальным данным числилось 18 400 корейцев, из которых 16 700 человек жило оседло в Суйфунском и Посьетском участках Приморской области, 600 человек – в окрестностях Хабаровска и 1 100 человек – в с. Благодолном [33].

В течение второго этапа (с 1884 по 1900 гг.) численность корейского населения Приморской области выросла почти в четыре раза и составила 28 500 человек, из которых 16,5 тыс. являлись русскоподданными, а 12 тыс. – не имели российского гражданства. Фактическое число корейцев, переходящих русско-корейскую и русско-китайскую границу во много раз превышало численность тех, кто проходил паспортно-визовый контроль или приобретал русский билет. Главная масса корейских иммигрантов переплавлялась в русское Приморье нелегально через р. Туманган. Корейцы поселялись в окрестностях Владивостока, по морскому побережью Амурского и Уссурийского заливов и т.д.

В результате, принятие части корейцев Приамурского края в подданство России привело к тому, что иммигранты из Кореи стали расселяться по всему русскому Дальнему Востоку, часто в нелегальном порядке.

Список использованной литературы:

1. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отделение 1-е. 1861. От № 36490-37190. СПб., 1863 № 36928. – С. 682.
2. Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск-Владивосток, 1928. С. 5-6.
3. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 129.
4. Административный центр Приморской области (Прим. автора).
5. Гельмерсен П.А. Записка о корейцах, желающих принять подданство России. 22 мая 1865 г. // ГАИО. Фонд 24. Опись 11/3. Дело 24. Листы 27-29.
6. Предписание военного губернатора Приморской области контр-адмирала Казакевича начальнику поста в заливе Новгородском. Николаевск, апреля 1864 г. // ГАИО. Фонд 24 Опись 11/3. Дело 24. Листы 2-3.
7. Выписка из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посьет в 1865 г. // РГИА ДВ. Фонд 87. Опись 1. Дело 278. Лист 54
8. Гельмерсен П.А. Записка о корейцах, желающих принять подданство России. Лист 32.
9. Выписка из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посьет в 1865 г. // РГИА ДВ. Фонд 87. Опись 1. Дело 278. Лист 54-55 об.
10. Корейцы Приамурского края. Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край. // «Приамурские ведомости». 1895, Приложение к № 83. С. 1.
11. Записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Карсакова о выделении средств на создание школы для корейцев, направленная военному губернатору Приморского края // РГИА ДВ. Фонд 87. Опись 1. Дело 1007. Лист 1-1об.
12. Рапорт чиновника особых поручений при Приморском областном правлении Буссе военному губернатору Приморской области от 6 марта 1867 г. // РГИА ДВ. Фонд 87. Опись 1. Дело 278. Лист 66.
13. Всеподданнейший отчет по управлению Восточной Сибирью за 1867 г. // ГАИО. Фонд 24. Опись 9. Дело 101. К. 1901. Лист 49.
14. Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. 1903. № 6. С. 211.
15. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 82.
16. Доклад о переселении корейцев // РГИА ДВ. Фонд 87. Опись 1. Дело 278. Листы 46-47.

17. Пак Но Бён. Хан-но кёнчже исимнён 1884 -1903 (20 лет российско-корейской экономики. 1884-1903). Сеул. 1994. С. 45. Унтербергер П.В. Приморская область. 1856-1898 гг. – Спб., 1900. С. 110
18. Пак Б.Д. Россия и Корея. С. 86.
19. Там же. С. 86.
20. Письмо директора Азиатского департамента МИД Стремоухова генерал-губернатору Восточной Сибири Карсакову. Спб., 9 марта 1870 г. // АВПРИ. Фонд «СПб. Главный архив, 1-9». Опись 8, 1870-1882 гг. Дело 25. Лист 15.
21. Телеграмма Горчакова Синельникову в Иркутск от 8(20) ноября 1871 г. // АВПРИ. Фонд «СПб. Главный архив, 1-9». Опись 8, 1870-1882 гг. Дело 25. Лист 22.
22. Отчет пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнина за 1883 г. // РГИА ДВ. Фонд 128. Опись 1. Дело 11. Лист 31.
23. Надаров И. Второй Хабаровский съезд. Владивосток. 1886. С. 11.
24. Представление военного губернатора Приморской области И.Г. Баранова о принятии в русское подданство корейцев и причислении их к сельским обществам // РГИА ДВ. Фонд 702. Опись 1. Дело 69а. Лист 2-5об.
25. Надаров И. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток. 1886. С. 26.
26. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. Спб., 1891. С. 292.
27. Пак Б.Д. Россия и Корея. М" Наука, 2004, с. 175-182.
28. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т. XI. Хабаровск, 1913. С. 2-5.
29. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Духовского 1893-1894 и 1895 гг. – Спб., 1895. – С. 28.
30. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т. XI. Хабаровск, 1913. С. 114.
31. Ким Г.Н. Переселение в Россию и просвещение корейцев в дореволюционный период // <http://www.koryosaram.freenet.kz>
32. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 31.
33. Духовский С.М. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора. 1893,1894 и 1895 годы. Спб., 1895. С. 28.